

ИЗЪ „КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО“ ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО ¹⁾

Въ Іерусалимѣ 5-го (1850) Февраля Порфирій навѣстилъ ветхаго ден-
ми Анеима, отставнаго книгочія Святогробскаго Греческаго монастыря.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и взаимныхъ разспросовъ о
здоровьѣ, я заговорилъ о патріархѣ Кириллѣ и изъявилъ сожалѣніе о
произвольномъ его удаленіи отсюда въ Константинополь. Мститый ста-
рецъ вспыхнулъ и сказалъ мнѣ: Кто виновать? Вашъ консулъ Базили при-
совѣтовалъ ему ѣхать туда и за то утоленъ деньгами довольно. *Ἐφαγε*
ὑρόσια πολλὰ, πολλὰ! ²⁾ Эти слова не разъ повторилъ старый книгочій,
сгустивъ пять пальцевъ правой руки своей въ пирамидальную кучку
и часто помахивая ими въ дугообразномъ направленіи къ устамъ своимъ.
Такія помахиванія были столь выразительны, что я воображалъ въ
чревѣ нашего консула множество червонцевъ. Анеимъ продолжалъ:
„Патріархъ наполнилъ двадцать три сундука дорогими вещами, кои по-
жертвованы Св. Гробу, и увезъ ихъ съ собою, не оставивъ намъ ни-
какой записи ихъ. Дорогіе сосуды наши посланы имъ на родину его,
въ островъ Самось. Къ нему отправилась отсюда герондисса его Евѣи-
мія и живетъ при немъ къ общему соблазну въ Константинополь. Вотъ
какого архипастыря далъ намъ Богъ въ великомъ гнѣвѣ Своемъ на
насъ грѣшныхъ! Увы, улы, мы сдѣлались позорищемъ и посмѣяніемъ
всѣхъ людей. Между нами водворилось раздѣленіе. Тѣ, которые окру-
жаютъ патріарха, съ гордостью говорятъ намъ: мы патріаршіе, а вы
монастырники!“ Я слушалъ старца съ участіемъ, повѣрилъ ему впло-
вину, зная его нерасположенность къ патріарху, избранному про-
тивъ чаянія его вмѣсто ученика его, архіепископа Фаворскаго Іерофея.

29 Октября 1850 г. архіепископъ Фаворскій Іерофей признанъ
Великою церковію Антіохійскимъ патріархомъ. Сообщая объ этомъ

¹⁾ См. выше, стр. 493.

²⁾ Онъ съѣлъ грошей (шастровъ) много, много.

событіи, Порфирій замѣчаетъ: „Время покажетъ, пастырь ли онъ добрый, полагающій душу свою за овцы, или наемникъ, не радѣющій о своей паствѣ; труба и цѣвница Православія, свѣтъ Христовъ или тѣнь Его?“

22 Сентября Порфирій пишетъ: „Вчера я слышалъ радостныя пѣсни Арабовъ, а сегодня печальныя рѣчи Антіохійскаго патріарха. Утромъ онъ одинъ пожаловалъ въ мою келью и бесѣдовалъ со мною ровно два часа. Вотъ содержаніе нашей бесѣды.

1. Онъ избранъ и провозглашенъ патріархомъ въ десятый день Ноября прошлаго года и по церковному обычаю сообщилъ такъ называемыя мирныя посланія всѣмъ прочимъ патріархамъ, синодамъ Всероссійскому и Эллинскому, и Московскому митрополиту Филарету. Нашъ Синодъ привѣтствовалъ его чрезъ посредство С.-Петербургскаго митрополита Никанора, а отъ Филарета понынѣ нѣтъ отвѣта.

2. Его блаженство до отъѣзда въ Дамаскъ уговаривалъ Іерусалимскаго владыку варить святое муро у Гроба Господня, дабы не лучать его изъ Константинополя, гдѣ готовятъ его весьма рѣдко и даже добавляють деревяннымъ масломъ. (Патріархъ упомянулъ объ этой добавкѣ съ оговоркою: между нами сказать). Ибо еще Константій въ 1833 году варилъ его, и съ тѣхъ поръ оно разсылается повсюду съ примѣсью елея. Іерусалимскій не отвергалъ сего предложенія. „Когда будутъ готовить Св. муро у Гроба Господня, примолвилъ собесѣдникъ, тогда и я прїѣду сюда въ другой разъ для участія въ семъ священнодѣйствіи“. Видно было, что его блаженству крѣпко хочется пожить въ Іерусалимѣ, гдѣ и сытно, и славно. Но никакія затѣи его не осуществятся, потому что ихъ понимаютъ здѣсь и въ Константинополѣ.

3. Въ Дамаскъ онъ прибылъ въ 30 день Марта и нашелъ престолъ свой въ жалкомъ состояніи. Во время обозрѣнія Сирійскихъ церквей при немъ находился проповѣдникъ Герасимъ, который вездѣ поучалъ христіанъ хранить вѣру православную и не перемѣнять ее какъ одежду.

4. Его блаженство уже предписалъ Тиро-сидонскому митрополиту Исаи перевести іеромонаха Макарія изъ селенія Абилъ въ городъ Тиръ для священнослуженія въ тамошней церкви. Я подтвердилъ, что жалованье отъ меня сему іеромонаху будетъ высылаемо чрезъ посредство нашего вице-консула Яфскаго послѣ каждой Пасхи. Не лучшели высылать оное два раза въ годъ? спросилъ патріархъ.—Подумаю объ этомъ, отвѣчалъ я.

5. Отъ Пальмирскаго архіерея Аѳанасія, которому отданъ въ пожизненное владѣніе приложенный Антиохійскому престолу монастырь Святого Спиридона въ Букарестѣ, получается ежегодно только 1000 пиастровъ; а управляющій другимъ монастыремъ сего престола въ Молдавіи, Георгій Саміа, родомъ Сиріанинъ, подданный же—русскій, уже два года не высылаетъ никакихъ доходовъ въ Дамаскъ, отговариваясь, что они принадлежатъ не патріарху, а бѣднымъ христіанамъ Сирійскимъ. Его блаженство, желая смѣнить сего упорнаго управителя, послалъ въ Молдавію игумена своего съ письмомъ къ господарю Гикѣ. Игумень принятъ его свѣтлостію. Но Саміа не сдаетъ ему ни монастыря, ни контрактовъ, ни имѣнія его. А господарь писалъ къ его блаженству, что онъ не можетъ смѣнить Саміа, потому что его поддерживаетъ Русскій консулъ.

6. На вопросъ собесѣдника, какъ помочь бѣдному Антиохійскому престолу, я отвѣчалъ: У васъ нѣтъ потребныхъ людей и денегъ. Итакъ, вы должны во первыхъ, приготовить нѣсколько клириковъ къ подвигамъ учительства и священства или въ одномъ изъ вашихъ ставропигіальныхъ монастырей, или здѣсь, въ Святомъ городѣ, по соглашенію съ патріархомъ Кирилломъ; во вторыхъ, стараться о томъ, чтобы подворье Святаго Ипатія въ Москвѣ, недавно пожалованное вашему престолу, было обращено во второкласный монастырь съ правомъ полученія изъ казны денегъ, по примѣру Аѳонскаго Иверскаго монастыря, находящагося тамъ же. Патріархъ соглашался на первое предложеніе мое, а на второе сказалъ: это трудно сдѣлать въ нынѣшнее время. Я возразилъ ему: Трудно, но можно. Пишите къ преосвященному Филарету и просите, убѣждайте, умоляйте его сдѣлать то, что я предложилъ вамъ. Кромѣ обращенія вашего подворья въ монастырь, нѣтъ другого средства заставить Геліопольскаго митрополита Неоѳита прислать вамъ изъ Москвы сборъ добротныхъ подавій. Онъ всегда будетъ писать вамъ, что этого сбора едва достаточно на содержаніе его подворья. А когда ему будутъ выдавать изъ казны отъ 700 до 800 руб. серебр. на монастырь, тогда подъ какимъ предлогомъ онъ могъ бы уклониться отъ высылки вамъ свѣчнаго дохода и добровольныхъ подавій? Патріархъ замолчалъ на минуту и потомъ вынулъ изъ пазухи записку на Греческомъ языкѣ, приготовленную для сего митрополита и прочелъ ее мнѣ.

7. Содержаніе сей записки таково. Вашему преосвященству извѣстно состояніе Антиохійскаго престола какъ прошедшее, такъ и настоящее. Прошедшее было лучше нынѣшняго; ибо доколѣ патріархъ Меодій былъ въ силахъ, дотолѣ дѣла шли исправнѣе. Но когда ста-

рость, и наипаче Бейрутское возмущеніе въ 1848 г. ослабили умственные способности и дѣятельность его, съ тѣхъ поръ все начало клониться къ упадку. Училища пренебрежены, монастыри обременены долгами и разстроены, въ сельскихъ перквахъ нѣтъ ни святыхъ образовъ, ни ризъ, ни утвари; христіане требуютъ учителей и просятъ помощи отъ патріарха, а самъ онъ едва получаетъ 15000 піастровъ годового дохода; вѣра въ продажѣ, ибо всякій недовольный чѣмъ-либо прибѣгаетъ или къ протестантамъ, или къ католикамъ и, обольщаясь ихъ денежными приманками, принимаетъ ихъ вѣроисповѣданіе; изъ монастырей нашихъ въ Валахіи и Молдавіи доходу очень мало; народъ сталъ своеволенъ и буненъ. Итакъ... Слѣдовало заключеніе; но патріархъ не прочелъ его, сказавъ, что оно подразумевается.

— Какая цѣль этой записки? спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ: Неофитъ переведетъ ее по-русски и сообщитъ митрополиту Филарету и оберъ-прокурору Св. Синода.

— Но вы знаете, что голосъ его, какъ гостя, не силенъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Вамъ надобно устроить дѣла Неофита въ Москвѣ такъ, чтобы онъ могъ высылать вамъ ежегодно значительное пособіе.

— Какъ же устроить ихъ? живо спросилъ собесѣдникъ, лакомый до Московскихъ денегъ.

— Такъ, какъ я совѣтовалъ вамъ: обративъ ваше подворье во второклассный монастырь.

8. Послѣдовало минутное молчаніе. Потомъ патріархъ исповѣдался мнѣ, что онъ принялъ Антиохійскій престолъ единственно въ чаяніи пособій изъ Москвы, а преосвященный Неофитъ не присылаетъ ему ни одной копейки и извиняется тѣмъ, что сборъ его въ Петербургѣ былъ весьма скуденъ, да и тотъ нуженъ на постановку иконостаса въ Ипатьевской церкви и на постройку дома при ней. Я ничего не отвѣчалъ его блаженству; ибо мнѣ досадно было, что онъ принялъ патріаршее кормило въ надеждѣ корысти.

9. Подъ конецъ была рѣчь о Святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ. По словамъ собесѣдника здѣшній монастырь Латинскій получилъ извѣстіе изъ Константинополя о томъ, что Порта, разсмотрѣвъ всѣ грамоты Грековъ и Латинъ, коими присвоились имъ равносильныя права въ Святомъ градѣ, представила спорное дѣло на рѣшеніе султана, и что онъ, уваживъ завѣтъ благоволенія халифа Омара къ Греческому духовенству при Св. Гробѣ, и тѣ султанскіе фирманы, которые пожалованы были Францисканамъ Святой земли, повелѣлъ тѣмъ и другимъ доволь-

ствоваться тѣми правами и оставаться на тѣхъ Святыхъ мѣстахъ, какими пользуются нынѣ. Но Греческій монастырь еще не увѣдомленъ о семъ велѣніи падишаха.

— Какъ вы думаете, спросилъ меня патріархъ, получимъ ли мы позволеніе починить куполь надъ Гробомъ Господнимъ?

Я отвѣчалъ: ни вы, ни Латины и никто другой не получитъ его, а само Турецкое правительство обновить куполь, дабы прекратить всѣ споры и тяжбы трехъ здѣшнихъ монастырей. Вѣроятно, оно пришлетъ сюда того же зодчаго, который починилъ храмъ Св. Софіи. Такъ я думаю и тоже слышалъ отъ нашего посланника Титова.

— Кажется, эта мѣра будетъ лучше всякой другой, сказалъ сухо патріархъ.

Я понялъ недовольство Греческой ревности и замолчалъ.

Кончилась наша бесѣда. Его блаженство ушелъ во свояси, пожавъ мнѣ руку по благословеніи.

24 Сентября Порфірій заноситъ въ свой дневникъ. Теперь я стремлюсь въ Кіевъ и мимоходомъ увлекаю Антиохійскаго патріарха въ его область. Сегодня утромъ сообщено ему мною такое тяготѣніе, которое скоро возвратитъ его къ собственному средоточію. Ему напомнугы волненія въ Бейрутской епархіи, шатаніе вѣры православныхъ въ Антиливанскомъ округѣ, недовольство христіанъ Дамасскихъ при видѣ недостроенной церкви и непріятный слухъ, бродящій въ Сиріи, будто его блаженство намѣренъ оставить свой престолъ и свою паству. Кромѣ сего, поставлено на видъ, что въ Константинополѣ всѣ единогласно осуждаютъ отсутствіе его изъ Дамаска. Всѣ эти внушенія мои, приправленные сердоболіемъ, скромностью и искуснымъ возбужденіемъ самоуваженія и ревности къ благу ближняго, подѣйствовали на него благотворно, и онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что скоро уѣдетъ отсюда въ Бейрутъ, гдѣ проведетъ зиму. Я попытался было увлечь его оттуда и въ Дамаскъ, рассчитывая ему, что присутствіе его тамъ необходимо для защиты правъ церкви, угрожаемой нападками протестантовъ, особенно въ сосѣднемъ Антиливанѣ; но онъ настоялъ на своемъ, говоря, что успокоеніе Ливанскихъ христіанъ требуетъ присутствія его въ Бейрутѣ. Благоразуміе заставило меня уступить одинъ шагъ, послѣ того какъ выигранъ былъ у него другой шагъ.

Когда я сказалъ его блаженству, что скоро поѣду въ Россію для излѣченія недуговъ моихъ, онъ просилъ меня постараться о томъ, чтобы Ипатьевское подворье обращено было въ классный монастырь. „Вы можете устроить это дѣло, примолвилъ владыка. Васъ послушаютъ лучше нежели меня; ибо вы для того и посланы сюда, чтобы представ-

лять пославшимъ васъ великія нужды наши. Вамъ достался тотъ жребій, который былъ готовымъ еще въ бытность мою въ Петербургѣ. Тогда знаменитый архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій представилъ въ Св. Синодъ записку о необходимости дѣятельнаго общенія Россійской церкви со всѣми православно-каѳолическими церквами на Востоцѣ, и наконецъ съ Іерусалимскою. Съ тѣхъ поръ начали говорить, что сюда будетъ посланъ изъ Россіи ученый и почтенный архимандритъ. Ожиданіе наше оправдалось. Да оправдается же и надежда наша на помощь богоспасаемой Россіи, надежда единственная! Ибо отъ нашей верховной власти чаить намъ нечего. Какое пособіе можетъ намъ оказать она, когда требуетъ назадъ даже знаки отличія, пожалованные за заслуги, чтобы продажею брилліантовыхъ украшеній пополнить хоть немного оскудѣвшую казну свою? И мнѣ велѣно возвратить мой брилліантовый знакъ!“

Я обѣщался предложить просьбу его блаженства оберъ-прокурору Св. Синода, если буду въ Петербургѣ, и простился съ нимъ.

Огромны доходы святогробской казны, но велики и расходы ея.

Кстати, сохраняю для памяти счетъ доходовъ ея изъ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, записанный мною еще въ Яфѣ на клочкѣ бумаги со словъ отца Прокопія, который управлялъ святогробскими имѣніями въ Бессарабіи съ 1841 г. по 1848 годъ.

	Валахскихъ піастровъ.
Изъ Валахіи въ 1840 годѣ получено было	800,000.
	Голландскихъ червонцевъ
Изъ Молдавіи въ 1843 годѣ получено было	37000.
Оттуда же въ 1848 годѣ	43000.
Изъ Бессарабіи съ 1841 по 1848 получено.	108000.

Блестящія кучи денегъ! А гдѣ онѣ? Лежатъ въ сокровищницѣ? Не тутъ-то было. Употреблены на устройство больницы, богадѣльни, книгопечатни, училищъ? Ничего такого нѣтъ здѣсь. Издержаны на покупку драгоцѣнной утвари? Все драгоцѣнное здѣсь пожертвовано, а не куплено. Такъ куда же потрачены столь огромныя суммы? На уплату долга казны святогробской, простиравшагося до 2600000 піастровъ и на подарки мусульманскимъ властнымъ сановникамъ, у которыхъ карманы широки и бездонны.

Сегодня въ четыре часа пополудни былъ у меня намѣстникъ, одинъ, и повѣдалъ, что въ сокровищницѣ Св. Гроба до нынѣшней Пасхи считалось 700000 піастровъ; повѣдавъ же это, просилъ меня напомнить патріарху, чтобы онъ поспѣшилъ выслать деньги изъ Константинополя. Я не отказался отъ сего посредничества, и въ свою

чреду объявилъ намѣстнику свое давнее намѣреніе выдавать 500 пиастровъ каждому ученику здѣшной патріаршей школы по окончаніи ученія и при поступленіи въ учительскую должность на первоначальное обзаведеніе домашняго хозяйства. Преосвященный одобрилъ мое намѣреніе.

Такъ какъ онъ предполагалъ, что я непременно буду въ Петербургѣ, то просилъ меня повидаться съ Адлербергомъ¹⁾ и объяснить ему, что на предпринятую по желанію его постройку церкви въ Каракѣ издержано гораздо болѣе денегъ, нежели сколько онъ доставилъ, по причинѣ высокихъ цѣнъ на строевые матеріалы и дорогой доставки ихъ за Іорданъ, при двойномъ содержаніи рабочихъ, отправленныхъ туда изъ Іерусалима. „Скажите Адлербергу отъ моего имени, примолвилъ владыка, что онъ распоряженіемъ своимъ²⁾ только ввелъ въ убытки меня, духовнаго отца своего, понадѣявшагося на его щедроту и не предвидѣвшаго никакихъ ограниченій оной“. И отъ сего порученія я не отрекся.

Звѣзды ссушаютъ одна другую свѣтомъ и теплотою, и мы должны помогать другъ другу словомъ и дѣломъ.

Порфирій пріѣхалъ въ Кіевъ 23 Ноября 1851. На третій же день по пріѣздѣ онъ являлся къ митрополиту Филарету, который принялъ его очень любезно. Разговоръ шель о томъ, что подъ Кіевскія укрѣпленія взята земля Лавры. Объ этомъ взятіи митрополитъ сказалъ: „пусть берутъ у насъ землю, лишь бы не отнимали неба“.

„19 Декабря, продолжаетъ Порфирій, приходилъ ко мнѣ бесѣдовать авва Нифонтъ. Я между прочимъ спросилъ его, почему Русскіе любятъ болѣе украшать святыя образа серебромъ и золотомъ, нежели дѣлать пожертвованія въ пользу богоугодныхъ заведеній, или на ученые предпріятія?—По молодости ума своего, отвѣчалъ онъ. Сей отвѣтъ привелъ меня въ восторгъ, и я расцѣловалъ добраго авву, приговаривая: пора намъ быть умнѣе. Сей же авва во время прогулки повѣдалъ мнѣ былъ, не былъ, а намекъ на то, что дѣлается на Святой Руси.

—Не такъ давно, въ двѣнадцатый день Января, Богъ созвалъ къ себѣ всѣхъ царей земли и cadaго изъ нихъ спрашивалъ: не желаетъ ли онъ увеличить свои владѣнія. Россійскій царь отвѣчалъ Ему: желаю и прошу. Нѣмецкіе короли: мы довольны тѣмъ, что имѣемъ. Турецкій султанъ со страхомъ промолвилъ: боюсь потерять и то, чѣмъ

¹⁾ Графомъ Николаемъ Владимировичемъ. П. Б.

²⁾ Онъ самую большую часть сбора на Каракскую церковь положилъ въ банкъ съ тою цѣлію, чтобы ростоми содержать причтъ и училище при ней.

владѣю. Англійская королева только что сказала: мсье, и Богъ отворотился отъ нея. Царицы Испанская и Португальская поблѣднѣли. Остальные государи отвѣчали каждый по своимъ видамъ и вкусу. Богъ благословилъ и исполнилъ желаніе всѣхъ вѣнценосцевъ. Россійскій царь взялъ близъ Кіева участокъ земли, на которомъ въ густой рощѣ спасался преподобный отшельникъ. Когда царскіе приставники пришли вырубать эту рощу, чтобы на мѣстѣ ея построить новый городъ, нашли тутъ пустынника и велѣли ему удалиться.— Помилуйте меня, возопилъ старецъ; вотъ уже двадцать лѣтъ я подвизаюсь здѣсь съ благословенія моей обители, которой принадлежитъ сіе мѣсто.— Теперь не обитель твоя владѣетъ имъ, отче, сказали приставники, а православный царь-государь, и тутъ будетъ новое строеніе. И такъ, ступай, отецъ святой, въ другое мѣсто и тамъ спасай твою душу и молись о всемъ мірѣ. Пустынникъ повѣсилъ торбу на плечи и, опираясь на посохъ, ушелъ въ безропотномъ безмолвіи.

За пѣнистымъ Днѣпромъ есть темный лѣсъ. Тамъ преподобный водворился и въ скорби сердца возопилъ къ Богу: Господи небесе и земли! Почто сотворилъ еси тако намъ убогимъ рабамъ Твоимъ, лишилъ еси насъ достоянія, еже стяжаша отцы наша? Послышался голосъ съ неба: вскую нынѣ скорбиши, человекъ? Тебѣ довлѣло вознести ко Мнѣ прошеніе твое, когда я призывалъ къ себѣ царей.—Тогда я былъ съ Тобою, Господи, сказалъ пустынникъ.—Цари мои друзья и моей воли исполнители, несся тотъ же голосъ съ неба.

Старецъ продолжалъ: Тогда я разсматривалъ цвѣтокъ и въ немъ дивился Твоей мудрости и красотѣ велелѣпной.—Ты всегда со мною, провѣщаль тотъ же голосъ. И такъ, не сѣтуй и гдѣ растутъ цвѣты, тамъ цвѣти и ты, и благослови Создателя на всякомъ мѣстѣ владычества Его.

Когда авва кончилъ свой рассказъ, мы были уже далеко отъ того мѣста, гдѣ недавно шумѣла лаврская дубрава и гдѣ, по волѣ Государя, явилась новая часть Кіева подъ названіемъ: Новое строеніе. Въ этомъ рассказѣ выражается высокое понятіе здѣшнихъ старцевъ о царѣ и ихъ непрекословная покорность его волѣ, заглушающая всякій расчетъ личности и своекорыстія въ видахъ пользы общественной.

Въ Россійской церкви, пишетъ Порфирій въ своемъ дневникѣ 1 Марта 1852 г., есть святители ревностные къ вѣрѣ православной и способные внушать ее заблуждающимъ. Но нѣкоторые мірскіе сановники запинаятъ ихъ въ семь дѣлъ Божиимъ, обольщаясь блескомъ золота. Блаженной памяти архіепископъ Олонецкій Игнатій въ своей епархіи обратилъ весьма многихъ раскольниковъ въ Православіе. Го-

ловщики ихъ, богатые купцы, испугались этой убыли и подкупили синодальныхъ законниковъ что не въ рясахъ, и проповѣдникъ Православія переведенъ былъ въ Донскую область, а кафедра его дана была преосвященному Венедикту, который глумился надъ своимъ предмѣстникомъ, говоря: важное дѣло онъ дѣлалъ, только шатался по своей епархіи и водился съ раскольниками. По смерти сего архіерея, въ Олонецкую епархію назначили преосвященнаго Аркадія, который въ Перми обратилъ нѣсколько тысячъ раскольниковъ въ Православіе. Для чего же послали туда новаго ревнителя правой вѣры? Для того, чтобы снова покорытоваться изъ богатой мощны покровителей старообрядчества. Безъ сомнѣнія, Аркадій не долго будетъ свѣтить тамъ, его переведутъ въ другое мѣсто. Эту печальную правду я слышалъ сегодня отъ ректора здѣшней Духовной Академіи архимандрита Антонія. Притча евангельская о томъ, какъ діаволъ между добрымъ сѣменемъ тайно сѣетъ плевелы, осуществляется у насъ на Руси.

О. Антоній повѣдалъ мнѣ, что раскольники села Добрянки, въ Черниговской епархіи, сожгли ту деревянную церковь, которую выстроилъ имъ Государь, лишь бы не молиться въ ней съ нимъ вмѣстѣ. Эта церковь сооружена была въ одинъ мѣсяць и стоила 30000 рублей серебромъ. Хотя на мѣстѣ ея построили каменную, но ни одинъ Добрянецъ не заглянетъ въ нее.....

О. Антоній молвилъ потомъ, что безпоповщинцы теперь рѣже присоединяются къ такъ называемой у насъ единовѣрческой церкви, догадавшись, что она ловушка для нихъ.

1-го Апрѣля Порфірій вернулся въ Константинополь.

„19 Мая, пишетъ онъ, я ходилъ къ Армянскому патріарху Кириаку. Разговаривали мы о діакониссахъ. Его высокостепенству внушено было мною, что служеніе діакониссъ, которыхъ у Армянъ нѣтъ, установлено было еще апостолами, что съ одною изъ нихъ, именно съ Фивою, апостоль Павелъ послалъ свое посланіе къ Римлянамъ изъ Коринтской пристани Кенхреэ и что діакониссы въ первобытной церкви христіанской присутствовали при крещеніи женскаго пола.

— А есть ли у васъ въ Россіи діакониссы? спросилъ патріархъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ и никогда не было, отвѣтилъ я и продолжалъ: въ одномъ изъ монастырей Афонскихъ я читалъ и чинъ посвященія діакониссы на Греческомъ языкѣ и хорошо помню, что ей дозволено даже принимать евхаристическую чашу послѣ окончательнаго литургійнаго возгласа іерея: „Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ и относить ее на жертвенникъ, но не чрезъ алтарь, а чрезъ церковь. Патріархъ былъ очень доволенъ моими открытіями ему. Отъ него я

ходилъ въ Армянскіе монастыри на Сіонѣ, Каіафы и Анны. Въ первомъ показали мнѣ каменную плиту, которая (будто бы) накрывала мертвенное ложе Спасителя, а во второмъ темницу и придѣлъ чтимой Армянами Святой Рипсимей.

Въ Геосиманіи Греческій кандиложигатель скрылъ или сжегъ какую-то икону Армянъ по наученію своего игумена. Тоже сдѣлалъ тамъ и Армянскій кандиложигатель, т. е. сжегъ икону Греческую.

Назадъ тому лѣтъ 12-ть въ святогробскій монастырь Златорешти въ Валахіи посланъ былъ отсюда, въ качествѣ игумена и хозяина тамошнихъ имѣній, монахъ Каллиникъ. Патріархъ Кириллъ недавно рѣшился замѣнить его другимъ и потребовалъ отъ него отчета въ доходахъ и расходахъ. Но онъ не только не явился къ нему въ Константинополь, но еще сбросилъ съ себя мантию, рясу и клобукъ, и міряниномъ поступилъ подъ покровительство Англійскаго консульства, въ Букарестъ. Разумѣется, святогробскія деньги остались въ его карманѣ.

Нынѣ же изъ Грузіи возвратился въ Константинополь подобный игумень и хозяинъ и, избѣгая отчетности, укрылся въ предмѣстіи Константинополя Стамати.

Распря между Армянами и Греками, возникшая по случаю злонамѣреннаго истребленія иконы первыхъ Геосиманскимъ игуменомъ Греческимъ, кончилась миролюбиво. Обвинены и удалены кандиложигатели Греческій и Армянскій. Но первый, огорчившись клепомъ на него, отмстилъ за свою невинность тѣмъ, что перешелъ въ католицизмъ, а второй перешелъ подъ кровъ Англичанъ.

Далѣе Порфирій замѣчаетъ, что въ село Олму въ Фаворской епархіи до сей поры не посылаютъ священника. Каково? И послѣ этого наши святогробцы еще смѣютъ жаловаться на прозелитизмъ Англичанъ!!! Да въ одной ли православной Палестинѣ остаются церкви безъ пастырей? За смертью священника почти вездѣ отыскивается кандидатъ и, если невѣсты разборчивы или женихи требуютъ бѣльшаго, то дѣло затягивается на цѣлые мѣсяцы, если не годы. Да и консисторія и владычныя присные тоже не дремлютъ, сохраняя выжидательный постъ и „кто больше“. Намъ извѣстно, что въ одномъ губернскомъ городѣ открылся богатый приходъ. Желавшіе поступить на мѣсто стрѣлой полетѣли изъ уѣздныхъ городовъ. Одною вернувшася батюшку церковный староста спросилъ, за кѣмъ осталось это мѣсто? И получилъ отвѣтъ:—На торгахъ за вашимъ о. Васильемъ; а за кѣмъ останется на переторжкѣ, пока неизвѣстно.

„Отъ переводчика нашей миссіи, пишетъ Порфірій, я услыхалъ, что недѣли три назадъ въ Виелемѣ убили одну женщину за прелюбодѣяніе родственники ея. Нѣтъ и суда!

Назадъ тому нѣсколько недѣль у герондиссы эконома монастыря Св. Гроба жила была въ услуженіи дѣвица-арабка изъ православнаго селенія Тайпе. А экономъ держалъ на монастырской мельницѣ православнаго христіанина изъ Бетжалы. Сей послѣдній захотѣлъ жениться и обручился съ одною дѣвицею въ Бетжалѣ. Но экономъ уговорилъ его отказаться отъ обрученной и взять упомянутую дѣвицу изъ Тайпе. Мельникъ согласился и обвѣнчался на ней въ какомъ-то ближнемъ селеніи. Когда же узнали объ этомъ въ Тайпе, взбѣсались. Мать дѣвицы, шехъ и другіе христіане пришли изъ этого села въ Іерусалимъ и угрожали эконому смертью, подозрѣвая, что онъ нарушилъ дѣвство этой прислужницы герондиссы. Экономъ далъ матери ея 1000 піастровъ, шеху 1500 піастровъ и прочимъ 2500 піастровъ. Этимъ уладилось дѣло. Но обрученная дѣвушка въ Бетжалѣ осталась оплеванной. За это Бетжаліоты недовольны на эконома и на весь монастырь.

Консулъ говоритъ, что патріархъ скопилъ 150000 піастровъ отъ одного лажа, по причинѣ возвышенія монеты въ цѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Константинополь въ нынѣшнемъ году принимали столевникъ золотой въ 115 піастровъ, нашъ полуимперіаль въ 100 піастровъ.

Ежели патріархъ получилъ барыши отъ лажа 150000, то у него въ кассѣ было 10000 червонцевъ Турецкихъ, каждый въ 100 піастровъ или 1000000 піастровъ. Каждый же червонецъ въ 100 левовъ далъ лажу 15 піастровъ. Слѣдовательно, 10000 червонцевъ дали 150000 піастровъ.

Консулъ говорилъ также, что Іерусалимскій синодъ не далъ патріарху отчета въ здѣшнихъ доходахъ и расходахъ.

25 Сентября былъ пиръ у герондиссы камароша Евфросиніи (лѣтъ менѣе сорока). Многіе монахи и монахини, даже нашъ привратникъ приходили поздравить ее со днемъ ангела. Слышно, что она недовольна камарашемъ за то, что онъ угощаетъ учительницу въ дѣвичьей школѣ.

20 Октября въ Іерусалимъ пріѣхала жена графа Киселева, министра государственныхъ имуществъ, урожденная Потоцкая, та самая, которая въ Вѣнѣ собирала деньги для Поляковъ во время возстанія. Она была у меня утромъ 6 Ноября, пишетъ Порфірій, и просила меня отправить письмо ея къ Государю, въ которомъ умоляетъ Его Величество помиловать брата ея Потоцкаго, содержащагося въ Шлессбургской крѣпости по подозрѣнію, будто бы онъ опоилъ ядомъ

свою жену. Я согласился. Вскорѣ, Киселева уѣхала, не передавъ мнѣ письма своего. Странно! Приходила просить меня и потомъ передумала. Почему? Не вѣдаю. А знаю, что она исповѣдывалась и причащалась на Голгоѣ, но наканунѣ причастія во всю ночь играла въ карты съ своими спутниками. Подвижница!

Неапольскіе священники отъ лица приходовъ просили намѣстника учредить у нихъ училище, что и было сдѣлано. Учителемъ былъ назначенъ Нифонъ, умѣющій говорить по-французски и по-арабски, но потомъ по желанію начальства былъ замѣненъ Іосифомъ.

29 Октября Порфирій пишетъ: Сегодня Набулузцы были у патріарха Кирилла и просили его смѣнить Іосифа и дать имъ Нифона и учителя. Патріархъ отвѣчалъ имъ, что никакого монаха не дастъ имъ, а напишетъ ко всѣмъ христіанамъ изъ Арабовъ, чтобы они сами себя избрали главу изъ среды себя, а учителя у него нѣтъ. Тогда всталъ съ мѣста одинъ изъ Набулузцевъ и сказалъ ему: Владыко! мы твои дѣти и просимъ твоего попеченія о насъ, а ты только отказываешь намъ и пр. Выслушавъ это, патріархъ разсердился, подошелъ къ сему Арабу и началъ говорить ему: бей меня, бей меня! Тогда другой Арабъ успокоилъ его, сказавши: простите, товарищъ мой не умѣетъ говорить. Мы пришли къ вамъ не требовать отъ васъ того или другого, а только повѣдать вамъ нужды наши. Теперь вы ихъ знаете, и мы надѣемся, что вы позаботитесь о насъ и не захотите взять на себя грѣхъ нерадѣнія.

Кстати, эти Набулузцы сказали патріарху, что два попа изъ Рафидіи желаютъ видѣть его, но ихъ не допускаютъ къ нему. Патріархъ тотчасъ велѣлъ позвать ихъ. Они просили у него прибавки жалованья за учительство. (Каждый получалъ только по 30 піастровъ въ мѣсяць). Патріархъ отказалъ имъ, промолвивъ: я не отворю вамъ новой двери. Попы предложили ему купить какую-то маслбойню Рафидійскую, но и въ томъ отказано. Тогда Набулузцы просили патріарха дать хотя что-нибудь попамъ на дорогу.—Завтра, отвѣчалъ Греческій волкъ.

О такихъ отношеніяхъ архіереевъ къ бѣднымъ сельскимъ священникамъ Порфирій упоминаетъ неоднократно. Но вѣдь это было и есть въ обѣихъ церквахъ. Покойный профессоръ Ростиславовъ написалъ цѣлое изслѣдованіе объ историческомъ развитіи причинъ вражды между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ въ восточныхъ церквахъ и у насъ въ Россіи.

„Смотря нынѣ съ одной стороны, писалъ онъ, на великолѣпіе, богатство, даже величіе, которымъ окружаютъ себя архіереи, а съ другой на скромную, очень часто бѣдную и почти вездѣ униженную

жизнь священника, особенно сельскаго и предъ мірянами и еще болѣе предъ епархіальными начальниками, никто, не знакомый съ церковною исторіей, не подумаетъ, чтобы предшественники тѣхъ и другихъ по должностямъ,—епископы и пресвитеры посланій ап. Павла были совершенно равноправныя между собою лица, чтобы епископъ по отношенію къ священникамъ былъ только *primus inter pares*, первый между равными. Но эта равноправность подтверждается не только очень нехитрыми соображеніями, но и фактами, сохранившимися въ исторіи“.

„Въ началѣ своего посланія къ Филиппійцамъ ап. Павелъ посылаетъ, такъ сказать, благодать и миръ всеѣмъ святымъ о Христѣ Иисусѣ, сущимъ въ Филиппѣхъ съ епископы и дьяконы (1, 1—2). Здѣсь за епископами прямо слѣдуютъ дьяконы, а о пресвитерахъ ни слова. Точно также въ 3-ей главѣ 1-го посланія къ Тимоѣю апостоль, перечисливъ качества, необходимыя для епископа, прямо потомъ говоритъ о качествахъ, необходимыхъ для дьяконовъ; о пресвитерахъ опять ни слова. Вовсе нельзя думать, чтобы въ обоихъ этихъ случаяхъ апостоль забылъ о пресвитерахъ, особенно въ посланіи къ Тимоѣю, гдѣ относятся къ епископамъ семь, а къ дьяконамъ пять стиховъ, да еще одинъ стихъ къ женамъ ихъ. Какъ же забыть пресвитеровъ, когда такъ подробно говорится о дьяконахъ и даже дьяконицахъ! Очевидно, что тогда еще не было различія между епископомъ и пресвитеромъ; подъ первыми разумѣли и послѣднихъ, а потому-то въ приведенныхъ выше двухъ мѣстахъ апостоль за епископами прямо ставитъ дьяконовъ. Далѣе, въ 5 ст. 1-ой главѣ посланія къ Титу пишется, что апостоль приказалъ Титу поставить пресвитеровъ по Критскимъ городамъ; въ 6-мъ стихѣ говорится, что пресвитеръ долженъ быть непороченъ, имѣть одну жену, вѣрныхъ дѣтей, не укоряемыхъ въ распутствѣ или непорочности; въ 7-мъ и далѣе объясняется, для чего это нужно, но уже вмѣсто слова пресвитеръ употребляетъ слово: епископъ. Очевидно, что апостоль не находитъ никакого различія между пресвитеромъ и епископомъ. Иначе, описавъ въ 6-мъ стихѣ, чѣмъ долженъ быть пресвитеръ, какъ же онъ въ подтвержденіе этого могъ въ 7-мъ ст. говорить о епископѣ? На этомъ-то, вѣроятно, основаніи, объясняя 17 ст. 20-ой гл. Дѣяній Апостольскихъ, изъ Милета пославъ въ Ефесъ, онъ призвалъ пресвитеровъ тамошней церкви, Иринею подъ пресвитерами разумѣетъ также и епископовъ: *in Mileto convocatis episcopis et presbyteris* (изъ Милета, призвавъ епископовъ и пресвитеровъ). Конечно, герменевтика семинарій истолковываетъ иначе всѣ приведенныя три мѣста изъ посланій ап. Павла; но она написана подъ вліяніемъ епископской партіи; объясни профессоръ такъ, какъ я объяснилъ, его увольять отъ должности“.

„Между тѣмъ предложенное мною объясненіе основывается не только на буквальному смыслу текстовъ, но и на слѣдующихъ соображеніяхъ и фактахъ. Апостолы въ посѣщаемыхъ ими городахъ и деревняхъ обращали въ христіанство не Богъ знаетъ какое количество; число послѣдователей Иисуса Христа часто ограничивалось десяткомъ или десятками, и уже постепенно переходило за сотню. Для порядка, для назиданія въ новой общинѣ христіанской нужно было, конечно, установить какую-нибудь власть; но смѣшно полагать, чтобы она была нынѣшнею властью епископскою; не нужно ли уже къ ней прибавить консисторію съ секретаремъ и благочинными? Избирались обыкновенно люди почетные, пожилые *πρεσβύτεροι*—пресвитеры, старѣйшины—или надзиратели *ἐπίσκοποι*—епископы. Послѣ общины или церкви увеличивались новыми членами и соединялись между собою; тогда нужно было увеличивать число старѣйшинъ и надзирателей, а имъ при общемъ собраніи нужно было имѣть предсѣдателя, которому мало-помалу усвоено названіе епископа, а за прочими осталось имя пресвитеровъ. Такимъ образомъ епископъ первоначально былъ не болѣе, какъ старшій изъ пресвитеровъ, большею частью самими ими и выбранный. Вотъ и доказательство. Иларій, объясняя 3-ю гл. посланія къ Тимоѳею, говоритъ: *omnis episcopus presbyter, non tamen omnis presbyter episcopus; hic enim episcopus est, qui inter presbyteros primus est*, т. е. всякій епископъ есть пресвитеръ, но не всякій пресвитеръ есть епископъ; епископъ есть тотъ, кто между пресвитерами занимаетъ первое мѣсто. Потомъ Иеронимъ говоритъ: „въ Александрійской церкви до епископовъ Героклеса и Діонисія, до половины 3-го столѣтія, пресвитеры обыкновенно одного изъ своей среды избирали президентомъ своимъ и называли его епископомъ“. Наконецъ, по словамъ Евтихія, Александрійскаго патріарха, жившаго въ 1-ой половинѣ X-го столѣтія, въ Александрійской церкви до епископа Александра въ началѣ IV-го вѣка была келія изъ 12-ти пресвитеровъ, подъ предсѣдательствомъ епископа; эти пресвитеры выбирали изъ своей среды одного епископомъ, и остальные одиннадцать посвящали его въ епископа“.

„Но избранные и первые между равными захотѣли быть начальниками тѣхъ, которые ихъ избирали; это впрочемъ случалось и случается вездѣ. Епископы начали присвоивать себѣ власть въ управленіи церковію и совершенную независимость отъ пресвитеровъ. Но и эти съ своей стороны старались отстаивать свои права. Явились такимъ образомъ двѣ партіи: епископская и пресвитерская. Пресвитерская партія до половины III-го вѣка была еще очень сильна. Не смотря на то, что во время Тертулліана епископы высоко уже стояли надъ пре-

свитерами, онъ предстоятелей христіанскихъ церквей называетъ однимъ именемъ: старшины, *seniores*. Кипріанъ, епископъ Карфагенскій, при самомъ вступленіи своемъ на епископскую кафедру, принявъ за правило ничего не предпринимать безъ совѣта съ пресвитерами (*a primordio episcopatus mei statui, nihil sine consilio vestro mea privatim sententia gerere*). Поэтому, удалившись во время гоненій изъ Карфагена въ пустыню и дѣлая тамъ одинъ какія-либо распоряженія, предъ пресвитерами извинялся въ этомъ необходимостію. Въ память того отношенія, которое первоначально было между епископами и пресвитерами, онъ послѣднихъ называетъ *conpresbyteros*—сопресвитерами“.

„Капитальное различіе между епископами и священниками состоитъ нынѣ въ томъ, что первые не должны не только не имѣть жены, но и быть монахами, а должности вторыхъ предоставляются только людямъ напередъ женившимся и никакъ не монахамъ. Но это различіе не было извѣстно въ первенствующей церкви. Подобно тому, какъ апостолы вели жизнь одни брачную, другіе безбрачную, такъ въ первые вѣка христіанства и епископами и пресвитерами могли быть женатые и не женатые люди. Впрочемъ ап. Павелъ семейную жизнь считалъ необходимою принадлежностью и епископовъ и пресвитеровъ; во 2-мъ ст. 3 гл. 1-го посланія къ Тимоѳею онъ прямо говоритъ: подобаетъ епископу быть непорочну, единя жены мужу. Замѣчательно, что защитники монашескаго архіерейства хотя и объясняютъ этотъ текстъ въ свою пользу при помощи діалектики и схоластики, впрочемъ иногда прибѣгаютъ здѣсь даже къ грубымъ выходкамъ. На окончательномъ экзаменѣ XV-го курса одной изъ духовныхъ академій студентъ отвѣчалъ изъ археологіи о трехъ степеняхъ священства. Предсѣдатель на экзаменѣ (одна изъ духовныхъ знаменитостей) спросилъ объ особенностяхъ каждой степени. И когда студентъ сказалъ, что въ первенствующей церкви епископы преимущественно избирались изъ семейныхъ людей и доказывалъ это сейчасъ приведенными словами ап. Павла, то предсѣдатель сказалъ: „ну, вотъ что еще заговорилъ; не всяко лыко въ строку“. Да, именно такъ было сказано; только ужъ не знаю, на основаніи какого параграфа герменевтики Рамбахія или г. Савваитова. А между тѣмъ это лыко внесено въ такъ называемыя апостольскія правила. По 40-му изъ нихъ велѣно заботиться о томъ, чтобы не растрчивалось имѣніе епископа, имѣющаго иногда жену и дѣтей. Значить, во время составленія правилъ епископы были не только женатые люди, но и могли наживать и передавать свое имѣніе женѣ, дѣтямъ и пр. Конечно, тогда же появилось мнѣніе, что епископамъ и даже пресвитерамъ приличнѣе жизнь безбрачная; только оно встрѣтило

сильное сопротивленіе; напр., по 5-му правилу апостоловъ епископъ, подъ видомъ благоговѣнія изгнавшій свою жену, отлучается отъ общенія церковнаго, а въ случаѣ дальнѣйшаго упорства извергается отъ священнаго чина. Кажется, тутъ лько поставлено въ строку“.

„Послѣ мысль о безбрачїи духовенства начала болѣе и болѣе распространяться. Неокесарійскій соборъ въ 314 г. постановилъ: „священника, вступившаго въ бракъ, лишать священства“; Анкирскій соборъ былъ нѣсколько послнисходительнѣе къ дьяконамъ. По 10-му его правилу: „поставляемые въ дьяконовъ аще при самомъ поставленїи засвидѣтельствовали и объявляли, что они имѣють нужду ожениться и не могутъ безъ того пребыти; таковыя послѣ сего оживившись, да пребываютъ въ своемъ служенїи, поелику сіе позволено было имъ отъ епископа. Аще же которые, умолчавъ о семъ и принявъ рукоположеніе съ тѣмъ, чтобы пребыти безъ женитьбы, послѣ вступали въ бракъ: таковымъ престаи отъ дьяконскаго служенія“.

„Въ возгорѣвшейся такимъ образомъ борьбѣ за власть и безбрачїе епископовъ, пресвитеры, по всей вѣроятности, одержали бы побѣду; можетъ быть они предоставили бы епископу власть начальническую, а не президентскую только, но вѣрно бы настояли, чтобы онъ изъ нихъ же избирался и былъ женатымъ человѣкомъ. Подобно тому, какъ Кипріанъ называлъ священниковъ сопресвитерами, они, вѣроятно, поставили бы себя въ такое отношеніе къ епископу, чтобы можно было имъ дать названіе *соепископа* (соепископа). Къ сожалѣнію въ III-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ на помощь къ защитникамъ власти и безбрачїа епископовъ явился сильный союзникъ въ монашествѣ“.

„Христіанскаго монашества до IV-го вѣка не существовало. Основатель его Антоній, хотя еще въ 285 г. удалился въ пустыню, но жилъ одинъ до 305 г.; въ это время нѣсколько поселившихся съ нимъ христіанъ составили первую монастырскую общину. Благодаря тогдашнему политическому состоянію Римской имперїи, морально-религіозному настроенію христіанъ а также климатическимъ условїямъ Египта и Палестины и многимъ другимъ причинамъ, монашество въ IV и V вѣкахъ быстро развилось и увеличилось. Пахомій, ученикъ Антонія, основавшій общину подъ названіемъ киновїи въ Фиваидѣ на одномъ изъ острововъ Нила, еще при жизни своей видѣлъ уже около себя до 3000 монаховъ; это число послѣ смерти его возросло до 7000, а въ половинѣ V-го столѣтія до 15,000 человѣкъ. Не менѣе успѣшно распространялось монашество въ Палестинѣ Иларіономъ, который жилъ нѣсколько времени съ Антоніемъ. Надобно сказать, что въ IV и V вѣ-

какъ между монахами было очень много людей замѣчательныхъ по своему уму, аскетическимъ подвигамъ и христіанскимъ добродѣтелямъ; они не только сами пріобрѣли, но и всему монашеству, такъ сказать, усвоили необыкновенно сильное вліяніе на народныя массы. При такомъ положеніи смиренные иноки не могли же отказать себѣ въ желаніи не ограничивать своей дѣятельности одними монастырями. Но съ другой стороны смѣшно говорить, чтобы у нихъ былъ еще съ IV-го вѣка опредѣленный планъ подчинить себѣ христіанскую церковь; событія историческія, въ родѣ того, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, вырабатываемыя цѣлыми вѣками, происходятъ не по напередъ составленному плану, а по какому-то инстинктивному побужденію, которое въ дѣятеляхъ развивается и поддерживается иногда незамѣтно для нихъ самихъ современными имъ идеями, потребностями и пр.; только въ послѣдствіи историкъ можетъ открыть и прослѣдить планъ, по которому какъ будто бы событія совершались. Но нельзя не сказать, что монашество присвоивало себѣ верховную власть въ церкви христіанской, держась въ нѣкоторомъ отношеніи того плана, которому слѣдуютъ теперь Іезуиты. Послѣдніе всячески стараются поставить выше всего власть епископовъ, потомъ мало-по-малу замѣстятъ епископскія кафедры своими приверженцами и членами и надѣются подчинить себѣ, если не все христіанство, то хоть католичество, когда, начиная съ папы до послѣдняго епископа а *patribus infidelium* будутъ Іезуиты. Планъ этотъ, по всей вѣроятности, не исполнится, и, можетъ быть, именно потому, что по немъ дѣйствуютъ сознательно. Но монашество, такъ же дѣйствуя, достигло своей цѣли. Сначала оно помогало утвердить приматство епископовъ надъ пресвитерами. Тутъ даже большихъ усилій ему и не было нужно дѣлать. Живя подъ деспотизмомъ политическимъ, христіане и даже пресвитеры подчинили себя монархизму религіозному. Такимъ образомъ съ IV и особенно V вѣка епископы были почти уже независимы отъ клира и избирались большею частью тоже епископами и митрополитами. Пресвитеры, разумѣется, долго еще оставались совѣтниками въ управленіи епархіей, но болѣе и болѣе теряли силу, и мало-по-малу изъ пресвитеровъ-старѣйшинъ превращались въ іереевъ-жертвоприносителей, или, повѣжливѣе, совершителей священныхъ дѣйствій.

Послѣ того, какъ власть архіереевъ сдѣлалась монархическою и почти деспотическою, монашеству оставалось укрѣпить за собою всѣ епископскія мѣста. Тутъ дѣйствовали очень осторожно, потому что поспѣшностію все можно было испортить. Въ этомъ случаѣ сильно помогло высокое мнѣніе, которое издавна на Востокѣ существуетъ о безбрачной жизни; епископамъ и даже пресвитерамъ (первымъ, какъ пред-

ставителямъ Иисуса Христа, а вторымъ, какъ служителямъ алтаря Господня) разумѣется, слѣдовало быть, по этому мнѣнію, людьми чистыми, т. е. безбрачными. На первомъ Никейскомъ вселенскомъ соборѣ безбрачіе сдѣлали бы обязательнымъ для всѣхъ духовныхъ лицъ, если бы не препятствовалъ тому епископъ Пафнутій. Несмотря на то, что самъ съ дѣтства былъ очень строгимъ аскетомъ, онъ убѣдилъ отцовъ собора въ святости брака и въ томъ, что женатый священникъ можетъ вести святую жизнь. Но и Пафнутій не осмѣлился говорить противъ безбрачія духовенства. Положено было, что духовныя лица трехъ степеней не могутъ жениться послѣ своего посвященія, а въ прочихъ случаяхъ предоставляемо было дѣйствовать по своему произволенію. Такимъ образомъ, благодаря Пафнутію, священники и дьяконы въ восточной церкви остались женатыми людьми, но на епископскія мѣста стали поступать люди безбрачные; если же кто изъ женатыхъ пресвитеровъ получалъ епископскую кафедру, то ему должно было разойтись съ женою. Противъ послѣдняго многіе сильно вооружались. Такъ, напр., Синезій, получивъ епископскую кафедру въ Птолемаидѣ, сказалъ: „Богъ, законъ и освященная рука Θεофила (епископа Александрійскаго) даровали мнѣ жену. Напередъ говорю всѣмъ и клянусь, что я не разлучусь съ нею, не стану жить втайнѣ, какъ будто въ непозволенной связи, потому что первое совершенно противно благочестію, а второе закономъ. Я желаю прижить отъ нея многіхъ и хорошихъ дѣтей“. Но Синезіевъ было мало, а число противниковъ и можетъ-быть завистниковъ брачной жизни постоянно увеличивалось. Императоръ Юстиніанъ постановилъ, чтобы епископы были поставляемы преимущественно монашествующіе, если же изъ блага духовенства, то безбрачные, или по крайней мѣрѣ не имѣющіе дѣтей. Наконецъ Трульскій-шестой вселенскій соборъ въ 12-мъ своемъ правилѣ такъ выражается: „Дошло до нашего свѣдѣнія и то, что въ Африкѣ и Ливіи и въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ тамо сущихъ боголюбивѣйшихъ предстоятелей (т. е. епископовъ), и по совершившемся надъ ними рукоположеніи, не оставляютъ жити купно съ своими супругами, полагая тѣмъ претыканіе и соблазнъ другимъ. Имѣя убо великое тщаніе, дабы все устроить къ пользѣ порученныхъ паствѣ, признали мы за благо, да не будетъ отнынѣ ничего такового“. Но, припомнивъ, что этимъ онъ противорѣчилъ V-му правилу апостоловъ, соборъ прибавляетъ: „сіе же глаголемъ не по отложенію или превращенію апостольскаго законоположенія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преспѣваніи людей наилучшее, и о томъ да не допустимъ какого-либо нареканія на священное званіе“.

Этимъ правиломъ Трульскій соборъ, выразимся по-нѣмецки, hat den Priestern Garaus gemacht (далъ карачунъ пресвитерамъ) и въ то

же самое время поднялъ монашество. Немногіе изъ пресвитеровъ, соглашались для епископства разлучиться съ своими женами, которыя по 48 правилу того же предусмотрительнаго собора должны были въ такомъ случаѣ поступить въ монастырь, далеко отъ обитанія сего епископа созданный. Лучшіе и благороднѣйшіе изъ нихъ хотѣли лучше остаться въ скромномъ званіи пастыря, но вмѣстѣ съ подругою своей жизни, нежели, бросивъ ее, наслаждаться величіемъ сана архипастыря. Отъ этого на вакантныя епископскія мѣста стали поступать или вдовы священники, или, въ случаѣ недостатка достойныхъ, неженатые, преимущественно монахи. Монашествующіе архіереи черезъ это умножились и, наконецъ, совершенно заградили доступъ на епископскую кафедру всякому пресвитеру, если только онъ, овдовѣвъ, не приметъ схимы. И здѣсь опять поступали осторожно. Законъ, позволяющій священниковъ прямо безъ принятія монашества производить въ епископа, до сихъ поръ положительно не отмѣненъ, но остается безъ приложенія. Тутъ нельзя не замѣтить сходства съ нашими семинаріями и академіями. По уставу ректорами тѣхъ и другихъ могутъ быть монахи и протоіереи. Духовное начальство не отмѣняетъ этого закона, но только ни одного протоіерея не дѣлаетъ ректоромъ ни семинарій, ни академій; закона-де мы не нарушаемъ, не отмѣняемъ, мы только его не хотимъ исполнить (*sic!*). Гг. Русскіе чиновники! Вотъ отличный способъ обходить законъ, апробованный древностью и іерархією!“

„Война окончилась, по крайней мѣрѣ на долгое время пріостановилась отъ порабоженія, въ которомъ остается до сихъ поръ побѣжденная сторона у побѣдителей. Но еще старинные Римляне говаривали: *vae victis*—горе побѣжденнымъ. Это изреченіе народа самаго опытнаго въ искусствѣ убивать и поработать людей имѣетъ полное приложеніе къ пресвитерамъ, къ преемникамъ ихъ іереямъ и къ нашему бѣлому духовенству. Побѣжденная партія, лишившись прежнихъ правъ, потерявши значеніе въ церковной іерархіи, мало-по-малу унизилась въ глазахъ и своихъ собственныхъ и христіанъ. Побѣдители ловко этимъ воспользовались, привлекая въ свой лагерь даровитыхъ людей даже безъ большихъ усилій. Причины, по которымъ въ IV, V и ближайшихъ къ тому вѣкахъ такъ много умныхъ и дѣльныхъ людей шло въ монашество, еще долго продолжались. Внѣшнія войны, внутреннія усобицы, отсутствіе правосудія, даже открытый почти грабежъ, безнравственность, всюду распространившаяся, пробуждали въ душахъ по прежнему мистическое настроеніе, отвращеніе къ житейскимъ дѣламъ и желаніе посвятить себя Богу. При другомъ порядкѣ дѣлъ

значительная часть такихъ людей поступила бы въ пресвитеры. Но послѣ побѣды монашества для честолюбивыхъ и энергическихъ лицъ въ пресвитерствѣ ничего не было привлекательнаго; остаться навсегда въ какомъ-либо приходѣ, возиться всю жизнь съ грубою деревенщиною, переносить матеріальныя лишенія, чувствовать гнетъ сверху,—право, для этого нужно было болѣе самоотверженія и отреченія отъ себя самого и отъ мірскихъ выгодъ, нежели для поступленія въ монашество. Такимъ образомъ число талантливыхъ людей между пресвитерами постоянно уменьшалось. Поэтому монашествующіе архіереи какъ будто уже справедливо, по необходимости, стали окружать себя другими монахами, будущими своими преемниками и съ ними раздѣлять не однѣ тяжести, но и выгоды управленія церковію, а пресвитеры сдѣлались только исполнителями богослуженія, а потомъ покорнѣйшими рабами, даже данниками архіереевъ. Съ ними уже нечего было церемониться и быть вѣжливыми; оказалось возможнымъ держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ; сопротивленія отъ нихъ нечего было ждать и опасаться. При этомъ отрeksiеся отъ міра могли иногда дѣйствовать подъ вліяніемъ чувства мести, досады и самозащиты. Пресвитеры были нѣкогда выше ихъ, боролись съ ними, теперь конечно побѣждены; но иные еще помнятъ, а иногда напоминаютъ о прежнемъ своемъ значеніи, о своихъ правахъ, несправедливо у нихъ отнятыхъ. Какъ же теперь немножко не попридержать, не попридавить ихъ? Какъ имъ не напомнить, что мы побѣдители, что *vae victis*? Такъ поступали побѣдители Римляне въ своихъ завоеванныхъ провинціяхъ, Франки въ Галліи, Готы въ Испаніи, Варяги въ Россіи и пр. Отчего же и иночествующимъ людямъ въ обращеніи съ своими побѣжденными, у которыхъ можетъ пробудиться революціонный духъ, не придерживаться той же системы, которой слѣдуютъ всѣ побѣдители, особенно несправедливые? Пресвитеры, превратившіеся въ іереевъ, стали, можно сказать, подчиненными епископовъ; между ними и ихъ начальниками-сопресвитерами утвердился пропасть велика, дистанція огромнаго размѣра“.

„Эта пропасть, эта дистанція уже существовала, когда христіанство введено было въ Россію. Пріѣзжавшіе тогда и долго еще послѣ того изъ Константинополя къ намъ архіереи и митрополиты привозили съ собою уже покоренныхъ и вполне покорныхъ пресвитеровъ. Покорность эта у насъ должна была принять еще бѣльшіе размѣры. Всѣхъ священниковъ нужныхъ для Русскаго народа нельзя было выписывать изъ Греческой имперіи; понадобилось производить ихъ изъ туземцевъ. Но теперешній споръ между Болгаріею и Константинопольскою патриархіею показываетъ, какъ архіереи, пріѣзжающіе изъ Царя-града къ

славянскимъ народамъ, обращаются съ вѣренною имъ паствою и пастырями. Конечно, со временъ великаго князя Владимира до императора Александра II прогрессъ могъ многое усовершенить въ Константинопольскихъ Грекахъ. Но зародыши того, чѣмъ они сдѣлались при султанахъ Абдуль-Меджидѣ и Абдуль-Азисѣ давали уже отпрыски при Василии и Константинѣ. Не даромъ же наши великіе князья такъ хлопотали о томъ, чтобъ ихъ уволили отъ Грековъ-митрополитовъ. Не по доброй же волѣ каждый изъ Русскихъ митрополитовъ, отправляясь въ Константинополь за утвержденіемъ въ новой должности, считалъ непремѣнною обязанностью брать съ собою какъ можно болѣе подарковъ и денегъ патріарху и его сотрудникамъ. Да и нынѣ, если какой-нибудь іеромонахъ, особенно архимандритъ съ Аѳона, изъ Іерусалима и пр., пріѣхавъ для собиранія подаянія въ Россію, обращается такъ важно съ подающими, принимаетъ приношенія такъ, какъ будто бы онъ этимъ дѣлаетъ намъ милость и снисхожденіе, то можно судить чѣмъ были архіереи изъ Грековъ, управлявшіе Русскою церковію, по отношенію къ священникамъ изъ Славянъ-туземцевъ. Существовавшая дистанція между тѣми и другими увеличивалась и отъ другихъ обстоятельствъ. Греки при Владимирѣ и его преемникахъ все-таки были образованнѣе Славянъ; особенно тѣхъ, которые поступали въ сельскіе священники. По всѣмъ этимъ причинамъ послѣдніе смотрѣли на своихъ архипастырей, какъ на людей высшаго разряда, предъ которыми они должны преклоняться; они и не знали, и даже не могли подозрѣвать, что епископъ нѣкогда былъ только первый изъ пресвитеровъ“.

„Наконецъ, и архіереи, и самъ митрополитъ избирались уже только изъ Русскихъ. Но это немного помогло нашему бѣлому духовенству. Отношенія его къ архіереямъ уже установились, приняли легальную форму, противъ которой вооружаться почти тоже значило, что нарушать законы... Но нельзя было не положить національнаго клейма на эти отношенія, особенно съ того времени, какъ боярство наше стало измѣняться въ барство. Въ самомъ дѣлѣ, когда наши бояре могли обращаться съ своими крестьянами, какъ съ рабами, когда воеводы въ городахъ самоуправно распоряжались не только карманами, но и спинами чиновниковъ и земскихъ людей, когда палочные удары, плети и пр. были въ употребленіи даже относительно придворныхъ; то почему же и архіереямъ нужно было церемониться съ своими уже не пресвитерами, не іереями, а просто попами? Зачѣмъ щадить ихъ и самолюбіе, и карманъ, и спину? Какъ ни униженно было положеніе бѣлаго духовенства до Петра Великаго, однако и тогда

нѣкоторые члены его осмѣливались не любить монашествующей іерархіи и даже при случаѣ выражать эту ненависть. Такой случай былъ при погребеніи Алексѣя Михайловича. По обыкновенію отпустительную молитву влагаеть въ руки покойника духовникъ, но относительно царя сдѣлалъ это патріархъ. Разумѣется, тутъ ничего не было ни дурного, ни незаконнаго. Но у духовника царскаго давно, вѣроятно, рвалось сердце на патріарха, а тутъ онъ не могъ уже сдержатъ себя. Послѣ погребенія пошелъ онъ въ комнату, гдѣ собралось все царское семейство, и началъ кричать: „покойный гвсударъ прощенія не получилъ; пратріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2000 войска, я пойду на патріарха и убью его; или оружіемъ, или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха; если же не предадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ; я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобы убить его“. Глупо, конечно, было такъ кричать; я этого и не одобряю, но посмотрите, какія ненависть къ патріарху проглядываетъ въ словахъ Савинова. Глупый крикунъ былъ отданъ патріарху и сосланъ въ монастырь“.

„Но бѣлое духовенство скоро начало становиться поумнѣе; наши цари не предложили, а приказали завести училища и семинаріи для приготовленія не поповъ, а умныхъ и образованныхъ священниковъ. Не смотря на то, что духовно-учебныя заведенія дурно управлялись и управляются, въ бѣлое духовенство проникла и болѣе и болѣе проникаетъ образованность и заставляетъ какъ подчиненныхъ, такъ и начальниковъ подумывать, или хотъ задумываться, о новыхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Образованный человѣкъ быстро понимаетъ неестественность своего положенія и своихъ отношеній къ высшимъ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ хорошія мѣры къ тому, чтобы измѣнить все къ лучшему. Въ этомъ случаѣ для своихъ притѣснителей онъ бываетъ тѣмъ опаснѣе и досаднѣе, что дѣйствуетъ осторожно, безъ криковъ и выходокъ. Самое его молчаніе, его спокойный пристальный взглядъ, его при случаѣ торжественная и внушающая уваженіе поза, его какой-нибудь выразительный жестъ отнимаютъ иногда и языкъ и руки у самаго задорнаго, зазнавашагося начальника. А если еще начнетъ говорить съ логикою философа, съ воодушевленіемъ оратора, съ достоинствомъ человѣка, тогда побоишься ему сказать даже грубое слово. Послѣ этого не удивительно, если въ послѣднія 50 лѣтъ многіе члены бѣлаго духовенства стали чувствовать несправедливость гнета, надъ ними тяготѣющаго, и желаніе освободиться отъ него. Желаніе это особенно оправдывалось и подстрекалось однимъ обстоятельствомъ. Какъ будто

бы для того, чтобы испытать, способно ли бѣлое духовенство управляться лицами, избранными изъ среды его, безъ поступленія въ монашество, въ полной независимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторій, начальниками надъ духовенствомъ придворнымъ и духовенствомъ гвардейскаго и армейскаго вѣдомства сдѣланы протоіереи подъ именемъ оберъ-священниковъ, нынѣ главныхъ священниковъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше. Духовенство этихъ вѣдомствъ считаетъ себя счастливымъ, находясь внѣ монашескаго вліянія, постоянно улучшается во внѣшнемъ своемъ благосостояніи, въ кругу своихъ прихожанъ пользуется завиднымъ для приходскихъ священниковъ уваженіемъ, отличается нравственными своими качествами; въ немъ незнакомы съ тѣми кляузными и мерзостями, которыя такъ многочисленны въ консисторіяхъ. Такіе счастливые результаты нельзя приписать образованности этого духовенства; въ него поступаютъ не самые лучшіе люди изъ семинаристовъ и академистовъ, а прежде военное духовенство набиралось почти что кое изъ кого; и все-таки и было, и жило лучше епархіальнаго. Какъ угодно, а подобныя метаморфозы случаю приписать нельзя; главные, или оберъ-священники своимъ умнымъ и благороднымъ управленіемъ тутъ много, если не все, значатъ. Между тѣмъ духовенство епархіальное и неепархіальное сходится, роднится, знакомится особенно въ Петербургѣ. Если бы первое вовсе не догадывалось о своихъ правахъ, то одно сближеніе съ послѣднимъ ему могло бы открыть глаза. Прибавьте къ этому шутки, насмѣшки, сожалѣнія, рассказы не епархіальнаго духовенства, поневолѣ встрепетется и заговорить ретивое у епархіальнаго духовенства. Благоденствіе и свобода нынѣ заразительно дѣйствуютъ на бѣдность и неволю другихъ имъ подобныхъ. Съ другой стороны епархіальное начальство давно уже догадывается и слышитъ о затаенномъ желаніи подчиненныхъ своихъ высвободиться изъ подъ его тяжелой опеки, а иногда даже видимъ, какъ это желаніе проявляется въ дѣйствіяхъ. Всякое другое правительство поняло бы справедливость этихъ желаній и сдѣлало бы уступки. Но правительство изъ лицъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ касты особенно монашеской, никогда не уступаетъ; девизъ его *non possumus*. Авторъ романа *Le Maudit* прекрасно говоритъ: „каста не сдается, не можетъ рѣшиться пожертвовать самою ничтожною привилегією, развѣ только продолжительныя и страшныя несчастія помогутъ сокрушить ея неумолимое сопротивленіе“.

„Такимъ образомъ завязывается и уже завязалась борьба между бѣлымъ духовенствомъ и епархіальною его властію“.

„Борьба эта могла бы ограничиться только, такъ сказать верхними слоями, происходитъ между аристократією монашескою и умнѣйшими

и образованнѣйшими лицами бѣлаго духовенства. Но она обобщилась отъ разныхъ обстоятельствъ, особенно отъ привилегій, предоставленныхъ монастырямъ и монахамъ. Бѣлое духовенство постоянно почти сталкивается съ чернымъ, встрѣчаетъ въ немъ соперничество, испытываетъ отъ него непріятности и пр. Оно, напр., несетъ на себѣ всю тягость исполненія всѣхъ такъ называемыхъ церковныхъ требъ, обязано учить народъ, отвѣчаетъ даже за его уклоненія отъ Православія, и за всѣ эти труды вознаграждается скудно, средствами унижительными, а между тѣмъ должно еще кормить свои семейства, воспитывать дѣтей. Какъ ему не позавидовать монашеству, которое, не имѣя никакихъ обязательствъ относительно народа, получаетъ богатое содержаніе, не выходя изъ монастырской ограды и совершая богослуженіе только въ опредѣленное время? Бѣлое духовенство при жизни богача исполняетъ копѣчныя требы въ его домѣ. Но умеръ богачъ, и монастыри являются къ услугамъ, получаютъ сотни и тысячи рублей. Бѣлое духовенство знаетъ, что въ немъ больше умныхъ, дѣльныхъ, дѣятельныхъ и даже добродѣтельныхъ людей, и между тѣмъ оно остается чуть не въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ черному, видитъ, что послѣднему отдается во всемъ преимущество передъ нимъ. Бѣлое духовенство за свои неблагодарные труды, за свой умъ и нравственныя качества могло бы ожидать большихъ наградъ, нежели монашество, которое ниже его во всѣхъ поименованныхъ отношеніяхъ; а между тѣмъ на послѣднее изливаются всѣ милости духовнаго начальства. Сколько бѣлому духовенству приходится вынести униженія и притѣсненій отъ епархіальной власти и ея агентовъ? Сколько передаетъ оно ему взятокъ изъ своихъ и безъ того скудныхъ средствъ? Лица бѣлаго духовенства, какъ люди семейные, желали бы дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, которое бы упрочило ихъ будущее положеніе въ обществѣ. А между тѣмъ люди, отрекшіеся отъ міра и все воспитаніе взявшіе въ свои руки, изъ сыновей его хотятъ сдѣлать послушниковъ, даютъ имъ аскетически-нелѣпное настроеніе, учатъ и содержатъ, какъ нельзя хуже. Тѣже самые отреченцы не только благоденствуютъ и роскошествуютъ, но постоянно улучшаютъ бытъ своихъ черныхъ собратій, выпрашиваютъ у правительства для нихъ новыя льготы, привилегіи и доходныя статьи, а когда коснется дѣло до настоящихъ тружениковъ, которыми поддерживается религіозность въ народѣ, тогда начинаютъ проповѣдывать объ апостольской нищетѣ, учатъ терпѣнію, упрекаютъ любостыжаніемъ и плотоугодіемъ, откладываютъ улучшенія на безсрочное время. Когда о всѣхъ этихъ выгодахъ и привилегіяхъ одной, невыгодахъ и униженномъ положеніи другой стороны духовное лицо поговорить, поразмыслить, повспомнить исторію церкви первыхъ вѣковъ,—неужели оно останется

равнодушнымъ къ той борьбѣ, о которой я началъ говорить? Не приметъ ли оно участія въ ней? Не почувствуетъ ли даже вражды къ противной сторонѣ? Вражда эта проявляется даже и въ причетникахъ. Въ статьѣ г. Рѣшетникова, отецъ Максимъ, дьячекъ, предъ смертью говорить сыну своему: учись, но не ходи въ солдаты и въ монахи не ходи!“

„Заглянемъ въ другой лагерь, въ другое воюющее царство. Тамъ слишкомъ заинтересованы ученые монахи, съ тѣмъ и поступившіе въ монашество, чтобы воспользоваться всѣми нынѣ существующими преимуществами своего сословія. Но вотъ начинаютъ говорить и писать, что эти преимущества несправедливы, что ихъ нужно уничтожить. Неужели можно остаться равнодушными, когда земля, на которой стоимъ, начинаетъ колебаться, когда зданію, въ которомъ надѣялись весь вѣкъ блаженствовать, грозитъ разрушеніе, когда на дорогѣ, которая вела прямо къ нашей цѣли, появляются и умножаются препятствія? Какъ тутъ не помочь своимъ предводителямъ? Какъ въ своемъ кругу не содѣйствовать, чтобы опасныя намъ идеи не распространялись? А затѣмъ и неученая монашеская братія не можетъ тоже оставаться спокойною. Ей конечно не занимать епископскихъ каедръ. Но за то при нынѣшнихъ епископахъ она надѣется пользоваться всѣми монастырскими доходами и отъ угодьевъ, и отъ соборовъ, и отъ свѣчъ и пр., и такимъ образомъ кончить свою жизнь въ довольствѣ и даже роскоши. Напротивъ, произойди перемѣна въ церковномъ управленіи, чего добраго, пожалуй, заведутъ вездѣ общежитія, попросятъ свѣчные доходы на воспитаніе семинаристовъ, ограничатъ произволъ въ употребленіи всѣхъ вообще монастырскихъ суммъ; перспектива не очень пріятная. Притомъ теперь мы стоимъ выше поповъ, получаемъ награды скорѣе ихъ; такъ какъ же не защищать привилегій своего сословія? Какъ не враждовать противъ тѣхъ, которые словомъ и дѣломъ стараются подорвать ихъ? Имъ анаѣма, а начальству своему полная преданность въ борьбѣ!“

„И вотъ борьба съ обѣихъ сторонъ обращается во вражду; и теперь уже много признаковъ этой вражды, когда въ Твореніяхъ св. отцовъ и въ Православномъ Обзорѣніи, а потомъ и въ другихъ журналахъ было напечатано, что архіереями не всегда были монахи, а сначала и долго пресвитеры, не разлучаясь даже съ женами, когда явились намеки, что этотъ порядокъ возможенъ и нынѣ, то съ какимъ изумленіемъ священники спрашивали: „Неужели все это правда? Неужели это напечатано? Неужели можно рассчитывать на такое нововеденіе, или по крайней мѣрѣ на ограниченіе произвола епархіальныхъ властей?“ Съ

какимъ удовольствіемъ слушали они утвердительные отвѣты на свои вопросы или читали самыя статьи. Тутъ наружу выходило все, что таилось давно въ душѣ. Въ другомъ царствѣ выражалось самое безцеремонное негодованіе. Во многихъ семинаріяхъ запрещалось читать все, гдѣ хоть сколько-нибудь похвалялся новый порядокъ вещей, вырѣзывали статьи даже изъ духовныхъ журналовъ. Напротивъ книги, написанныя въ опроверженіе злонамѣренныхъ, какъ выражаются клирики, толковъ, напр., изданная въ Берлинѣ о сельскомъ духовенствѣ апологія, брошюра г. Предтеченскаго о нападкахъ на духовенство и пр., такія книги не только навязывали ученикамъ, но даже читали ихъ въ общихъ собраніяхъ“.

„Въ лицахъ бѣлаго и чернаго духовенства, не обучавшихся далѣе семинаріи, описываемая вражда не обнаруживается съ такою силою, какъ въ академистахъ. Авторъ книги объ устройствѣ духовныхъ училищъ очень подробно изобразилъ эту вражду; имъ преимущественно я буду руководствоваться. Извѣстно, что студенты духовныхъ академій, проучившись большею частью 16 лѣтъ, могутъ рассчитывать на хорошую будущность почти только отъ того, какое они займутъ мѣсто въ окончательномъ спискѣ и какую должность получать въ училищной службѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они знаютъ, что монашествующіе ихъ товарищи предвосхищаютъ у нихъ и мѣста въ спискахъ, и должности въ семинаріяхъ и академіяхъ. И потому: „не осуждайте (свѣтскихъ студентовъ) и не удивляйтесь, если они (узнавъ о поступленіи своихъ товарищей въ монашество) увлекаются тѣми страстями, которыя такъ сильно разыгрываются въ 25-лѣтнемъ сердцѣ при неожиданной встрѣчѣ съ препятствіями. Какъ имъ не ознакомиться съ непріязненными чувствами къ тѣмъ, которые, будучи хуже ихъ по успѣхамъ и поведенію, между тѣмъ перебиваютъ у нихъ дорогу?... Въ молодости не любятъ молчать; эти недовольные, разумѣется, не скрываютъ своихъ мыслей; товарищи ихъ слушаютъ съ участіемъ, потому что каждый болѣе или менѣе заинтересованъ въ этомъ вопросѣ. Представьте себѣ, что это продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ, передается отъ одного курса къ другому, и тогда поймете то разъединеніе, ту, можно сказать, пропасть, которою раздѣляются двѣ категоріи студентовъ (т. е. монашествующіе и не монашествующіе). Надобно пожить и побыть въ академіяхъ, чтобы все это вполнѣ понимать. Нѣтъ насмѣшки, нѣтъ сарказма, которые бы не были высказываемы въ задушевныхъ бесѣдахъ, или даже открыто противъ монашествующихъ студентовъ. Вотъ вамъ примѣръ, случившійся очень недавно“.

Въ одной изъ академій при окончаніи курса оказалось семь монашествующихъ студентовъ. Какія же дали имъ названія прочіе ихъ товарищи? Названія семи смертныхъ грѣховъ: гордость, лихоиманіе, блудъ, зависть, чревобѣсіе, гнѣвъ, лѣннество. Чтò можетъ быть ядовитѣе такихъ названій? Какъ злѣе можно выразить свою ненависть? Но и о ненавидимыхъ надобно судить по человѣчески; они тоже люди и имѣютъ страсти; они не могутъ не платить тою же монетою, которую такъ щедро имъ расточаютъ. Такія непріязненные чувства съ обѣихъ сторонъ остаются надолго, а можетъ быть въ иныхъ и на цѣлую жизнь (1 т. стр., 112-113). „Да и нельзя имъ не оставаться. Если эти чувства назвать огнемъ, то въ этотъ огонь послѣ безпрестанно подкладываются новыя горючія вещества; на нихъ вмѣсто воды льется иногда масло“. Студенты кончили курсъ, монаха послали инспекторомъ, начальникомъ уже, а съ нимъ вмѣстѣ его однокурсниковъ. „Хорошо если (они) хуже, или немного лучше его (новаго инспектора) по успѣхамъ и не дѣлали ему никакихъ непріятностей; тутъ дѣла еще кое-какъ улаживаются. Но бѣда, если новый начальникъ былъ менѣе успѣшенъ своего подчиненнаго товарища: академическія предубѣжденія не уничтожаются“ (стр. 115). Вотъ кандидатъ, или магистръ поступилъ священникомъ. Вскорѣ надъ нимъ, полнымъ, настоящимъ начальникомъ дѣлается не только академическій товарищъ, но человѣкъ моложе, даже ученикъ его и единственно потому, что надѣлъ на себя черную рясу. Конечно, смиреніе есть добродѣтель, отказываться отъ него никому не слѣдуетъ, но монашествующимъ нужно бы показывать на себѣ образецъ этой добродѣтели. Между тѣмъ бывшіе товарищи священниковъ, магистровъ и кандидатовъ, сдѣлавшись ихъ начальниками, частенько, какъ будто намѣренно ставятъ ихъ въ униженное положеніе; унижаемые, конечно, молчатъ,—молчишь по неволѣ, когда нельзя говорить; но непріязненность не уничтожается, а усиливается. Унижающіе молча и даже вслухъ унижаютъ, но этимъ не научаютъ терпѣливо переносить униженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ досадуютъ, что гордецы часто все-таки не поддаются, кланяются, но не ползаютъ. Эти-то непріязненные чувства развиваются и усиливаются, а иногда выражаются самыми ѣдкими сарказмами. На это можно бы привести много примѣровъ; но опасно не для меня, который отрубилъ канаты у своего корабля, а для тѣхъ, кто выражалъ эти чувствованія. Я разскажу только случай, бывшій за 30 лѣтъ. На обѣдѣ у одного Петербургскаго протоіерея, гдѣ сидѣли академическія и семинарскія учености, зашла рѣчь о томъ, откуда взялось названіе бѣлаго и чернаго духовенства. Ректоръ семинаріи представилъ какое-то мистическое объясненіе. Но одинъ изъ гостей, почтеннѣйшій протоіерей Г. П. П-скій, сказалъ:

„Вотъ еще что придумали. Мое объясненіе будетъ лучше. Въ языческой Россіи было два главныхъ бога: бѣлбогъ и чернбогъ; бѣлбогъ-настоящій Богъ, а чернбогъ тоже, что чортъ. По принятіи крещенія Владиміромъ жрецы бѣлаго бога пошли въ бѣлое духовенство, а жрецы чернбога въ монашество. Вотъ откуда взялись названія бѣлаго и чернаго духовенства, и вотъ отчего до сихъ поръ такая вражда между тѣмъ и другимъ“. Ученое монашество, сидѣвшее за обѣдомъ, пришло въ ужасъ и потеряло аппетитъ отъ этого объясненія, которое очень понравилось свѣтскимъ академическимъ наставникамъ и бѣлому духовенству. Г. читатель, вотъ какими чувствами воодушевлены были протоіереи за 30 лѣтъ! Съ того времени эти чувствованія сильнѣе сдѣлались и стали проситься наружу. На чьей сторонѣ останется побѣда въ новой борьбѣ между пресвитерами и монахами, не извѣстно; я не берусь рѣшать этотъ вопросъ“.

Любопытны слѣдующія записи въ дневникѣ Порфирія. Говорятъ, что патріархъ далъ 100000 піастровъ здѣшнему башкятибу, т. е. главному дѣлопроизводителю мусульманъ, на свадьбу его сына. Посему этотъ старый крючекъ празновалъ свадьбу блистательно и присылалъ патріарху отличныя снѣди и даже въ училище его. Сегодня намѣстникъ его, преосвященный Мелетій, архимандритъ Никифоръ и драгоманъ святогробскій приходили къ патріарху просить его, чтобы онъ или отослалъ архимандрита Аѳанасія, или далъ бы ему другой домъ. Но патріархъ разсердился, вскочилъ и закричалъ: вы стакнулись противъ меня, вы и бунтуете; если я вамъ не любъ, я оставляю васъ. Такимъ образомъ, и эти ушли отъ него недовольны. Вечеромъ я былъ у патріарха, засталъ у него башкятиба, и намѣстника, и архимандрита Никифора. Они толковали, судили и рядили о покупкѣ кожевенныхъ заводовъ, что подлѣ святогробскаго храма. Требуется за нихъ 300000 піастровъ, а патріархъ даетъ 200000. При мнѣ башкятибъ получилъ въ подарокъ золотую или позлащенную табакерку“.

Четвертый томъ „Книги Бытія“ заканчивается 30-мъ Декабря 1852 г.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій. 1910. Октября 6.

